

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>
EDN: XKMJYA

Научная статья / Research article

Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г.

Роман Сергеевич Авилов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия

✉ avilov-1987@mail.ru

Аннотация: Исследуется история посещения города Харбин военным министром Российской империи А.Н. Куропаткиным в 1903 г. Материалами послужили собственноручные дневники министра, которые он вел во время поездки, комплекс документов, собранных за время путешествия, а также официальный отчет о поездке. Документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и впервые вводятся в научный оборот. Министр посетил строящийся в Маньчжурии с 1898 г. новый русский город в рамках своей поездки по Дальнему Востоку и описал ход осмотра самого города, пристани, военных и гражданских сооружений, проведенные в его присутствии маневры войск Харбинского гарнизона и пограничной стражи. В исследовании дана характеристика казарменного размещения войск в городе и проблемы организации казарменного строительства. Отмечена указанная А.Н. Куропаткиным роль Харбина как важнейшего торгового и стратегического центра северной Маньчжурии. Приведены данные о численности и национальном составе населения города. Впервые описаны переговоры русского военного министра с китайским цзянь-цзюнем (генерал-губернатором) Гиринской провинции. Подчеркнуто понимание А.Н. Куропаткиным невозможности организации управления нерусским населением региона без сохранения китайских органов местной власти, а значит – необходимости налаживания с ними тесного взаимодействия. Отмечено стремление военного министра повысить на местном уровне координацию представителей русских: военного, дипломатического и финансового ведомств. Сделан вывод об убежденности А.Н. Куропаткина в неэффективности системы исключительно мирного проникновения в Маньчжурию без поддержки военной силой, что побуждало его активно заниматься вопросами развития военной инфраструктуры Харбина.

Ключевые слова: колониционный проект Российской империи, дальневосточный фронт, российско-китайское трансграничье, центр и регионы, Сунгарийский железнодорожный мост

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ № 22-28-01350 «Колонизация Дальнего Востока и Маньчжурии в правительственных документах, публицистике и периодике России и Китая 1894–1920 гг.».

Для цитирования: Авилов Р.С. Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 354–369. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>

© Авилов Р.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903

Roman Avilov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russia

✉ avilov-1987@mail.ru

Abstract: The author considers the history of Russian Imperial Minister of War A.N. Kuropatkin's visit to Harbin in 1903. The study is based on the Minister's diaries which he kept during the trip, a set of documents he built during the trip, as well as his official report written after the trip. The documents are stored in the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and have been used for the first time for historical research in this article. A. N. Kuropatkin visited the new Russian city which was under construction in Manchuria from 1898 as part of his trip to the Far East, and described in detail his inspection of the city, as well as its quay, military barracks, and civil facilities, as well as the maneuvers of the troops of the Harbin garrison and border guards. The study gives a description of the barracks accommodation of the troops in the city and the problems of organizing barracks construction at that time. It is noted that A.N. Kuropatkin considered Harbin as the most important commercial and strategic center of northern Manchuria. The article provides data on the number and national composition of the city population, as well as a description of the first time the Russian Minister of War negotiated with the Chinese governor-general of the Jilin province. The studied material illustrates A.N. Kuropatkin's understanding of the impossibility of organizing the management of the non-Russian population of the region without preserving authority the Chinese local officials and therefore there was a need to establish close cooperation with them. It is also pointed out the Minister of War had hoped increase the coordination of representatives of the Russians at the local level including Russia's local military, diplomatic, and financial departments. A.N. Kuropatkin's in his conclusions shows his conviction of the relative ineffectiveness of exclusively peaceful penetration into Manchuria without support by military force, a discovery which prompted him to actively engage in the further development of Harbin's military infrastructure.

Keywords: colonization project of the Russian Empire, Far Eastern frontier, Russian-Chinese cross-border, center and regions, Sungari railway bridge

Acknowledgements and Funding: The study was supported by the research grant No 22-28-01350 "Colonization of the Far East and Manchuria in Russian and Chinese Government Documents, Journalism and Periodicals, 1894–1920" of the Russian Science Foundation.

For citation: Avilov, Roman. "Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 354–369 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>

Введение

История русского Харбина к настоящему времени достаточно хорошо изучена. Опубликованы работы по начальному¹ и более поздним периодам² истории города, его архитектуре³, культуре⁴, так или иначе связанным с ним проблемам организации российской власти и влияния в Маньчжурии (для некоторых исследователей

¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

² Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003.

³ Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001; Легошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX вв. Хабаровск, 2003.

⁴ Забияко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под. ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015; Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011.

Харбин даже стал символом такого влияния)⁵, национальным вопросом⁶ и т. д. Обширна и общая историография русского присутствия в регионе⁷. Однако в последнее время Харбин оказался в тени Порт-Артура и Дальнего⁸, хотя как колониационный проект Российской империи он был не менее важен и куда более успешен, учитывая то, что он оставался в сфере русского влияния и после Русско-японской войны 1904–1905 гг., а после Гражданской войны 1918–1922 гг. стал одним из центров русской эмиграции, оставаясь таковым до окончания Второй мировой войны. Основанный в 1898 г. как железнодорожная станция при строительстве в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а затем и как русский город Харбин развивался достаточно бурно. Министр финансов С.Ю. Витте, настоявший на спрямлении русской железной дороги через территорию Китая, денег на проект не жалел, что в купе с удачно выбранным для города местом дало быстрые результаты. Еще до Русско-японской войны город успели посетить несколько русских министров – сам министр финансов и военный министр А.Н. Куропаткин в рамках своей масштабной поездки на Дальний Восток в 1903 г. Однако если всеподданнейший доклад С.Ю. Витте по поездке на Дальний Восток в 1902 г. опубликован и доступен для исследователей⁹, то сведения о посещении Харбина военным министром в литературе по истории этого города отрывочны. Не повлияло на ситуацию и активно развивающееся в последнее время в качестве самостоятельного направления научных исследований «куропаткиноведение»¹⁰ и изучение непосредственно КВЖД¹¹ – до настоящего времени ни дневниковые записи военного мини-

⁵ *Wolf D.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999; *Bassin M.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review) // *Slavic Review*. 200. № 3. P. 675–676. <https://doi.org/10.2307/2697379>; *Paine S.C.M.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review) // *The Russian Review*. 2000. № 3. P. 460–461.

⁶ *Carter J.H.* Creating a Chinese Harbin. Nationalism in International City, 1916–1932. Ithaca and London, 2002.

⁷ *Аблажей Н.Н.* 1) С Востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; 2) Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия: Отечественная история. 2008. № 2. С. 80–85; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Кротова М.В.* Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб., 2010; *Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // *Новый исторический вестник*. 2000. № 2. С. 4; *Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). 2-е изд. / отв. ред. Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков. СПб., 2021 и др.

⁸ *Павлов Д.Б.* 1) Город-порт Дальний, 1898–1904 гг.: агрегация традиции и новаторства // *Россия и АТР*. 2021. № 1. С. 8–23; 2) Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905 гг.): прецедент модернизационного колониализма? // *Российская история*. 2018. № 1. С. 85–108; Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. док. / сост., авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018.

⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток в 1902 г. // *Bumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5-ти т. М., 2002. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 332–409.

¹⁰ *Авилов Р.С.* 1) Военный министр Алексей Николаевич Куропаткин на о. Сахалине (1903 г.) // *Вестник Сахалинского музея*. 2020. № 1. С. 69–91; 2) Военный министр А.Н. Куропаткин во Владивостокской крепости в 1903 г. (по новым источникам) // *Ойкумена*. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 16–28; *Белозерова О.А.* Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны (1904–1905). Историографический обзор публикаций за последние двадцать лет // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 17. С. 250–280; *Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под ред. В.М. Сальникова*. СПб., 2018; *Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний Туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50 и др.

¹¹ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн., 1999; *Самойлов Н.А.* Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России*. 2016. Т. 17. № 3. С. 205–210.

стра о посещении им г. Харбина, ни представленные ему за время поездки материалы, в той или иной степени касавшиеся этого города, в научный оборот не введены. Следовательно, **цель данного исследования** – реконструировать многогранный образ Харбина накануне эпохальных событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. на основе новых источников по поездке военного министра А.Н. Куропаткина на Дальний Восток в 1903 г.

День первый: планы, учения и проблемы казарменного размещения войск

Как и для других городов, которые военный министр посещал по пути, программа осмотра Харбина готовилась заранее. В отложившихся в личном фонде А.Н. Куропаткина в РГВИА материалах об этой поездке сохранился документ под названием «Распределение времени пребывания Его Превосходительства Военного Министра в Харбине». Ни даты, ни рабочих пометок самого министра на нем нет. По нему первоначальный график трехдневного посещения А.Н. Куропаткиным г. Харбина выглядел следующим образом.

В 1 день (30 апреля), по прибытии в 8:20, приема почетного караула и представляющихся лиц был запланирован объезд выстроенных войск гарнизона, маневр и церемониальный марш всех войск, участвовавших в маневре. С 11:15 до 12:00 – посещение собора и военного кладбища в Новом городе, затем завтрак в Собрании стрелкового полка и возвращение на станцию. С 15:00 – осмотр помещений полевых войск и Пограничной стражи в Новом Харбине, а также строящихся казарм. Затем следовало совещание и ужин с главным инженером, а в 10 час. вечера – посещение семейного вечера в военном собрании офицеров 30 ОКПС.

Во второй день (1 мая) в 8:00 утра предполагался получасовой прием Гиринского цзянь-цзюня, а после обеда – уже ответный визит к нему А.Н. Куропаткина. Остальное время было посвящено объезду помещений войск пограничной стражи в Старом Харбине, осмотру лагеря этих войск, участию в приуроченных к визиту министра общем завтраке офицеров, обеде нижних чинов, солдатских играх, состязаниях на призы, песнях и джигитовке. На половину пятого запланировали поездку на пристань, осмотр помещений пограничной стражи и артиллерийского склада. Завершить день предполагалось посещением вечера в Железнодорожном Собрании.

Утро 2 мая было оставлено по просьбе министра свободным, а на час дня был запланирован завтрак с последующим совещанием у начальника 30 ОКПС¹².

В реальности А.Н. Куропаткин прибыл в г. Харбин на день раньше – 29 апреля 1903 г., а покинул его не 3 мая, а 2-го. В остальном же этот документ, действительно, был основой организации времяпрепровождения высокого гостя в городе. Весьма показательное первое впечатление, зафиксированное военным министром в дневнике:

Приехали по расписанию. Мост через Сунгари поражает легкостью конструкции. Есть настилка для повозок. После Аму-Дарьинского и Волгского самый большой мост в России. Кажется 550 сажень¹³.

Сделанное машинально, без всякого политического или полемического контекста замечание, что «мост в России», хотя мост был не в России, а в Китае, наглядно свидетельствует о том, что А.Н. Куропаткин был уверен, что земли эти постепенно войдут в состав Российской империи и Китай окончательно потеряет над ними контроль.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 5437. Л. 76.

¹³ Там же. Д. 1930. Л. 66.

На перроне министра встречал почетный караул от 17-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича полка (командиром полка был полковник В.А. Сачковский). В Новом Харбине располагались 3-я, 4-я и 8-я роты этого полка, которые военный министр сумел впоследствии осмотреть лично, остальные – мелкими гарнизонами в северной Маньчжурии и на постах¹⁴.

Дальше, как и предполагал план визита, в его присутствии состоялось совместное двухстороннее тактическое учение с обозначенным противником войск Харбинского гарнизона и частей пограничной стражи. Общее руководство учениями осуществлял начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ЗО ОКПС) генерал-лейтенант Н.М. Чичагов. Им же подробно и заранее была разработана вся программа маневров. Предположение для учений было следующее. Обороняющийся, после боя под г. Ажехе, отошел к новому Харбину и занял позицию у Нового города, ожидая подкреплений и прикрывая переправы через р. Сунгари. Оборона правого фланга позиции у стрелкового лагеря была возложена на отряд (частично обозначенный) в составе 5 сотен и 16 орудий под командованием генерал-майора Н.Н. Бунакова. Конница пограничной стражи участвовала вся. Наступающий отряд имел целью захватить новый Харбин, Сунгарийский железнодорожный мост, отрезав противника от верхних паромных переправ через р. Сунгари, и отбросить его в болотистое пространство, простирающееся к северо-западу от Харбина. Левая колонна наступающего, в составе 3 батальонов, 5 сотен, 1 конной охотничьей команды и 22 орудий, под командованием начальника 5-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майора К.М. Алексеева, следуя от г. Ажехе через усадьбу Харбин (старый город), получила приказание атаковать противника, занявшего стрелковый лагерь, и отрезать его от паромных переправ в 28 верстах выше Сунгарийского железно-дорожного моста¹⁵.

К приезду А.Н. Куропаткина на платформу у старого Харбина, наступающий отряд был собран неподалеку от железной дороги. В составе отряда были две роты 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (9 офицеров и 387 нижних чинов), одна рота 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 162), одна рота 20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 162), охотничья команда 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 103), одна батарея (8 орудий) 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (4 и 149), 8 рот Сводного пехотного полка пограничной стражи (27 и 1184), 5 сотен Сводного конного полка пограничной стражи (16 и 420) и 3,5 батареи Артиллерийского дивизиона пограничной стражи (10 и 176). Всего: 72 офицера и 2745 нижних чинов при 22 орудиях и 911 лошадях¹⁶.

Перед началом маневра министр объехал выстроенные войска, лично осмотрев их, после чего сделал запись в дневнике:

Выстроены были хорошо, наружный вид войск, особенно стрелков и наших артиллеристов отличный. Лошади в батарее очень хорошие. Конные охотники сидят на конях молодцами¹⁷.

Фраза «хорошо представились и войска пограничной стражи» была вставлена уже во всеподданнейший отчет¹⁸.

Военный министр лично принял участие в учениях. Вначале следовал с авангардом наступавшего отряда и видел развертывание и действия его главных сил, а также позицию оборонявшегося отряда, которая ему не очень понравилась:

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 41.

¹⁵ Там же. Л. 75–75 об.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66–66 об.

¹⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

Позицию заняли слишком короткую и таким образом что в глубину она была больше, чем по фронту. Для двух батальонов мала по фронту, а артиллерия стояла слишком далеко от пехотных ложементов и помощи пехоте в решительные минуты оказать не могла¹⁹.

При этом позиция оказалась еще и плохо замаскирована – опытный глаз А.Н. Куропаткина сразу определил места расположения орудий:

Конница наступающего отряда сначала сильно разбросалась, но затем подтянулась к своему левому флангу, что и было правильно по обстановке... Конница обороняющегося, отступая, перешла канаву, спешилась, отстрелялась и снова быстро села на коней; конница наступающего, при преследовании ее, переходя через ту же канаву, открыла свою батарею на короткое время; конница обороняющегося перешла было в наступление, но не сразу всей силой: был упущен весьма благоприятный момент захвата неприятельской артиллерии. Затем конница наступающего предприняла обход позиции слева, что было совершенно правильно и соответственно с заданием; артиллерия обороняющегося долго не замечала обхода и не открывала огня²⁰.

Затем А.Н. Куропаткин перешел на сторону обороняющегося, где его первое негативное впечатление о занятой позиции полностью подтвердилось. Позиция была выбрана по фронту слишком короткой – всего 500 шагов, и слишком глубокой – 1600 шагов, однако при этом охрана флангов была организована правильно, расстояния до местных предметов – измерены, позиция укреплена обозначенными окопами, и с нее было прекрасно видно развернувшееся наступление²¹. Военный министр отметил в дневнике:

Наступление велось в большом порядке. Роты в составе 84 рядов представляли солидное зрелище. Но слишком растянули фронт и уже слишком рано из 3-х батальонов двинули в первую линию два батальона²².

Ружейный огонь тоже был открыт слишком рано:

Надо более беречь патроны. Конница была разделена на две стороны поровну. При действиях конницы наступающего было больше инициативы, но было и суесть более, чем бы то следовало. У обороняющегося три сотни бездействовали. Две действовали успешно²³.

Когда А.Н. Куропаткин решил прибегнуть к своему излюбленному приему и ввести два элемента случайности, тоже получился конфуз:

Когда я изменил обстановку и указал, что конница наступающего уничтожена, а к коннице обороняющегося пришло подкрепление и приказал Чичагову атаковать левый фланг противника 10 сотнями, то это не удалось, ибо Алексеев не приостановил наступления, а Чичагов атаковал слишком разбросанно. Артиллерия наступающего держалась очень отдаленных позиций²⁴.

Военный министр остался произошедшим недоволен и на последовавшем разборе указал, что это:

собственно, был не маневр, а показное тактическое учение, ибо задание и исполнение были подготовлены; учение выполнено в общем хорошо; части войск действовали в порядке и тишине, особенно пехота; больше шума было в коннице (особенно в наступающей, при переходе рва с валом); впрочем, в коннице большой шум отчасти неизбежен. С точки зрения показного учения все было исполнено хорошо, но когда в заранее составленную программу я ввел элемент случайностей, то здесь сказала не совсем достаточная подготовка трех родов оружия...²⁵

¹⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66 об.

²⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

²¹ Там же.

²² Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66 об.; В отчете военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. указано, что роты были 64-рядного состава. См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

²³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76 об. – 77.

Впрочем, на общее впечатление А.Н. Куропаткина это не повлияло и во всеподданнейшем отчете было указано, что войска Харбинского гарнизона находились «на надлежащей высоте своего дела»²⁶. Устроенный после учений церемониальный марш министру также понравился²⁷.

Вторую половину первого дня в Харбине А.Н. Куропаткин посвятил осмотру помещений. Оказалось, что постоянные казармы для выставленного караул 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (ротные помещения, хлебопекарни, кухни, столовые, бани и офицерские квартиры») в основном еще не были достроены. А.Н. Куропаткину пообещали окончить их к 1 августа 1903 г. Только 3-я рота уже находилась в новой, постоянной казарме, в которой, правда, были земляные полы – здание строилось на ленточном фундаменте, а настелить деревянные полы к прибытию министра успели только в двух комнатах. Остальные роты этого полка, учебная команда, а также дислоцировавшиеся наряду с ними в Харбине 7-я рота 18-го и 8-я рота 20-го Восточно-Сибирских стрелковых полков размещались и зимовали в старых землянках.

Эти землянки, величиной на взвод каждая, – отмечалось в официальном отчете, – углублены до 1½ футов и кубическое содержание от 1,25 до 1,50 куб. саж. на человека; постройка землянки обходится всего по 1 р[уб]. 50 к[оп]. на человека. Зимовка в землянках не отразилась неблагоприятно на санитарном состоянии частей: общая заболеваемость за весь 1902 год составила лишь 1,9 %, смертность не превысила 0,08 %, а убыль по неспособности достигала до 0,17 %²⁸.

И действительно, в околотке полка оказалось всего 17 больных. Все осмотренные А.Н. Куропаткиным помещения оказались в пригодном состоянии, содержались чисто и заботливо. «Землянки при должном ремонте могут продержаться еще года два», – констатировал министр²⁹.

О казарменном расположении 1-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (командир подполковник Н.А. Романовский) министр сообщал следующее:

Нижние чины размещены в землянках: тесно, темно, особенно в одной землянке, где окна только по концам длинных сторон ее. Но порядок и чистота поддерживаются. Конюшни сбиты из досок: зимой холодно, а летом воздух очень тяжелый. Надо чаще выводить лошадей на свежий воздух³⁰.

При попытке совершить осмотр 5-й и 6-й рот 20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (командир батальона – подполковник Е.К. Врублевский) случился конфуз. Батальон стоял в 30 верстах от Харбина, в Хуланьчене, в качестве гарнизона, откуда их и вызвали. Однако приказ дошел слишком поздно, в результате чего батальон совершил переход в середине дня, в самый пик жары, что привело к двум случаям теплового удара. В целом же войска оказались к таким экстремальным переходам вполне подготовлены, причем министр лично видел роты тотчас по прибытии – 3 офицера и 266 нижних чинов выглядели вполне бодро³¹.

Войска в Харбине должны были покинуть землянки и перейти в новые казармы уже к осени 1903 г., при этом, по мнению министра, артиллерия должна была переносить свои конюшни сама. При этом у войск пограничной стражи казармы уже были отстроены – на собственных войсках министр финансов С.Ю. Витте не

²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76 об. – 77.

²⁷ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 41–41 об.; Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 41 об.

³¹ Там же.

экономил. Впрочем, на военного министра они произвели крайне неприятное впечатление:

Постоянные помещения пограничной стражи построены без совета с нами. Очень тесно. Полы не удачны. Надо их частью перестилать. Еще неудачнее исполнение идеи дать освещение сверху. Устроили двойные стеклянные рамы. В особенности нижние рамы сильно плятятся, а чистить их весьма затруднительно. Будут переделывать и, кажется, применят тип, принятый у нас в Закасп[ийском] крае, тоже в два света. Но что особенно печально, это крайне неряшливое содержание местности между казармами и около них. Местность не планирована, всюду лужи, отбросы, неопрятные кучи сена, вылитые из окон помои. Вонь. Полное отсутствие внутреннего порядка³².

В худшем состоянии оказался только расположенный в бараках Харбинский полевой запасной госпиталь, который нужно было капитально ремонтировать. При этом министр посчитал необходимым отпустить на 1904 г. кредит, чтобы построить новый госпиталь на обширном казарменном участке³³.

Отчет, подготовленный по итогам поездки военного министра на Дальний Восток, содержит достаточно подробную и в целом благожелательную характеристику Харбина, написанную на основе представленных ему материалов и личных впечатлений. В документе отмечалось, что город быстро растет. По результатам однодневной переписи 15 мая 1903 г. оказалось, что вместе с войсками в нем числилось 44 576 жителей, в том числе 15 579 русских подданных, 28 338 китайцев, 462 японца и 197 чел. других национальностей.

Город раскинулся очень широко, на 12 с лишком верст в поперечнике и делится на 4 главных части: Старый Харбин (или усадьба), Новый Харбин, Пристань и Затон (на другом берегу Сунгари), кроме того, есть и пригороды: мостовой поселок, ханшинный завод и пр.³⁴

Куда меньше понравилось министру, как организовано в городе размещение войск:

Расположение наших войск и пограничной стражи, – отмечалось в отчете, – разбросанное: регулярные войска, главным образом, на восточной окраине Нового Харбина; главная масса пограничной стражи, 6 рот и 6 сотен, – вблизи ст. Сунгари I в Новом городе и несколько рот, сотен и команд – в Старом Харбине, на пристани, в мостовом поселке и на так называемом кирпичном заводе³⁵.

В Новом Харбине военному ведомству было отведено достаточно большое пространство, но после подробного осмотра А.Н. Куропаткин посчитал необходимым, чтобы к отведенному уже участку добавили еще дополнительно крайний к железной дороге участок, необходимый для постройки лазарета и офицерского военного собрания. Юго-восточную границу этих двух участков, по его мнению, необходимо было сдвинуть до р. Мадьягоу. Главный инженер А.И. Югович категорически заверил военного министра, что на противоположном берегу речки никаких первоначально предполагавшихся фабрик не будет – места для них отнесут значительно дальше к северу. В целом Военное министерство претендовало еще на 50 тыс. кв. саженой земли³⁶.

По задумке А.Н. Куропаткина, это позволяло учесть печальный опыт 1900 г. и превратить занятую войсками территорию в оборонительное сооружение:

³² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 2–2 об.

³³ Там же. Л. 2 об.

³⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 65.

³⁵ Там же. Л. 65–65 об.

³⁶ Там же.

Весь квартал военного ведомства, – отмечалось в отчете, – надо отгородить и по углам ограды сделать выступные части для фланкирования. Такой отдельный городок должен содержаться в полном порядке и служить образцом для пограничной стражи и хорошою защитой для жителей в случае неожиданных нападений в смутное время³⁷.

Согласился министр и с мнением Командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Д.И. Субботича, что размещать сотни совместно с пехотой и артиллерией, обеспечивая этим колоссальную скученность, не стоит, так как это может плохо отразиться на санитарном состоянии войск. Поэтому было решено запросить для расположения двух сотен и конно-охотничьей команды стрелков еще один участок по южную сторону железной дороги у самой границы всего отчуждения под г. Харбин. Этот участок, размером около 6 десятин, предполагалось обнести глинобитным забором с фланкирующими башенками, превратив в военный городок и одновременно опорный пункт для обороны г. Харбина³⁸.

Вечером, на совещании А.Н. Куропаткин суммировал все эти нужды и просил А.И. Юговича о решении пяти основных земельных вопросов гарнизона. Отвести дополнительные участки к стороне железной дороги по соседству с уже имевшимся, чтобы построить лазарет и военное собрание, причем большое и рассчитанное на весь гарнизон, а заодно выделить финансирование на его содержания. Отвести дополнительный участок к стороне канавы и старого Харбина, чтобы устроить там плац для полевой гимнастики, манеж и огороды. Предоставить около 6 десятин за железной дорогой для расположения там двух сотен казаков и конной охотничьей команды. Отвести участок на берегу р. Сунгари, в совместное пользование с пограничной стражей, чтобы он служил для расположения запасов и складов. Для удобства погрузо-разгрузочных работ размер участка по фронту должен был составлять длину поезда, то есть быть более 100 сажен, поскольку Харбин рассматривался как база для русских войск, если они будут собраны в Маньчжурии для действий против Китая или Кореи. Взамен А.Н. Куропаткин обещал вернуть впоследствии участок от старых интендантских складов. Требовался участок до 6000 десятин под лагерь и стрельбище, на расстоянии не более 25 верст от Харбина, а также участок вне города или на окраине для постройки госпиталя на 300, а затем на 600 чел. через 2–3 года. Югович выразил согласие на эти просьбы и указал, что решение этих вопросов будет зависеть от Правления КВЖД³⁹.

Для выбора точных мест под лагерь, стрельбище и госпиталь военный министр распорядился образовать комиссию с участием представителей от военного ведомства, пограничной стражи и управления постройки КВЖД. Предложенные к отводу участки А.Н. Куропаткину представили на плане уже на обратном пути из Порт-Артура. Участков было два: восточный – примыкающий к р. Сунгари, но в значительной степени заболоченный, и южный – более сухой. Оба примыкали к городу, были обеспечены водой, но министра сильно смущали болота, которые требовалось осушать. По мере получения военным ведомством новых участков и их оборудования все участки, временно занятые войсками и военной инфраструктурой в Новом городе еще в начале военных действий Китайского похода в 1900 г., предполагалось постепенно освободить и вернуть городу⁴⁰.

³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 65 об.

³⁸ Там же. Л. 65 об. – 66.

³⁹ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 3–4.

⁴⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 66 об.

Второй день: дипломатические переговоры и осмотр города

Первую половину следующего дня, 1 мая, в Харбине военный министр посвятил дипломатическим вопросам. Уже в 8 час. утра у него с визитом был гиринский⁴¹ Дзянь-дзюнь, пожилой маньчжур с приятным умным лицом, служивший ранее в Или и в Кашгаре. После обычных приветствий он предложил А.Н. Куропаткину бумаги на русском и китайском языках со своими требованиями. Во-первых, он хотел увеличить полицейскую стражу, чтобы поставить на корейскую границу 2 тыс. чел., поскольку корейцы стали переходить границу и делать беспорядки. По его словам, прежде в Гиринской провинции было 30 тыс. войск, а теперь – чуть более 11 тыс. Однако на уточняющий вопрос, сколько же ему надо, он ответил 2 тыс. чел., на что А.Н. Куропаткин, договорившись с Д.И. Субботичем, согласился. Во-вторых, китайский чиновник просил, чтобы русские войска скорее освободили занимаемые ими китайские помещения. В скрытом виде это был вопрос об очищении Маньчжурии, поскольку Дзянь-дзюнь, ссылаясь на договор, отметил, что 26 марта, срок, назначенный для очищения Гиринской провинции, уже прошел. Министр честно ответил, что войска задержаны в Гирине, поскольку помещения в Приамурском крае еще не готовы, но что летом главная масса войск будет выведена, а Гирин, Куанченцзы⁴², Ташагоу⁴³ и Лашагоу⁴⁴ оставлены. При этом помещения в последних трех пунктах передавать китайцам не собирались, поскольку для службы на железной дороге формировались особые войска, казармы для которых тоже еще только предстояло построить. По той же причине А.Н. Куропаткин указал на необходимость временно занимать Ажехе⁴⁵ и Нингугу⁴⁶, с чем Дзянь-Дзюнь вынужден был согласиться. Более всего его расстроило заявление министра об оставлении нескольких постов силой около 600 чел. по р. Сунгари. В утешение ему было предложено выставить по р. Сунгари охрану такой же силы и обещано выдать 600 китайских ружей. По заявлению о том, что переводчики-китайцы при русских военных начальниках служат причиной обид, чинимых жителям, министр запросил фактические данные, которые просил приготовить ко времени проезда через Куанченцзы⁴⁷.

Эта собственноручная дневниковая запись представляет большую ценность как единственное обнаруженное к настоящему времени документально свидетельство о данной встрече и вообще подобного рода переговорах русского военного министра с местными китайскими начальниками во время его проезда через Маньчжурию в 1903 г. В официальном отчете об этой встрече не сказано ни слова⁴⁸.

Завершив общение с цзянь-цзюнем, военный министр вернулся к более привычным для него смотрям и парадом.

В 11 часов при торжественной обстановке передал войскам царский привет и благодарность за службу. Присутствовал при церемониальном марше, обратив внимание на низкое качество выездки офицерских лошадей. Осмотрел А.Н. Куропаткин лагерь войск пограничной стражи, который только устраивался и нашел его в большом порядке⁴⁹. В тот же день утром министр осматривал временные помещения пограничной стражи в старом Харбине – полуземлянки, годные для жилья

⁴¹ Гирин – в настоящее время г. Цзилинь в одноименной провинции КНР.

⁴² Куанченцзы (Чанчунь) – город и железнодорожная станция в Маньчжурии на линии ЮМЖД.

⁴³ Ташагоу – железнодорожная станция на линии ЮМЖД.

⁴⁴ Лашагоу – железнодорожная станция на линии ЮМЖД.

⁴⁵ Ажехе – в описываемый период город на р. Амур к югу от р. Сунгари.

⁴⁶ Нингуга – в настоящее время г. Ниньянь провинции Хейлунцзян КНР.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 4–5 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 28–107 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 6–6 об.

еще не более 1–2 лет. Исключение составил один барак 6-й сотни 1901 г. постройки, который он приказал немедленно покинуть из-за сырости⁵⁰.

Затем он посетил ветеринарный лазарет на 35 лошадей, констатировав, что он в большом порядке и содержится весьма заботливо. Однако и здесь бросались в глаза бюрократические трудности. Министр записал в дневнике:

Медикаменты на всю конницу в достаточном числе, но людских медикаментов, получающихся более сложным порядком не везде достаточно⁵¹.

В вещевом складе запасы хранились исправно, но порядок высылки предметов обмундирования и конского снаряжения оказался неудовлетворительным. В свою очередь артиллерийский склад был найден уже совершенно не в порядке:

Есть сырьё, но главное хранение пороха до 200 пудов небрежное. Предписанных уставом мер предосторожности не принимается. Особого часового не стоит. Офицер вошел в оружие и без кенег⁵². Кругом рваная бумага, сухая как порох трава. Есть отбросы, которые надо было бы убрать. Караульное помещение далеко. Следует его перевести в ограду, сделав таковую из прочной стенки, с воротами. Тогда и наряд можно будет сократить⁵³.

Примечательно, что в отчет данные по этим трем учреждениям вообще не попали. Большое, хотя и не особо благоприятное, впечатление на военного министра произвела городская пристань на р. Сунгари и ее окрестности:

Очень оживленная и самая людная часть Харбина. Но требуется еще много труда и денег, чтобы привести ее в порядок. Склады товаров по реке, которые я посетил, содержатся беспорядочно и грязно. Скучены, кругом грязь, экскременты, вонь. Бунты с мукою стоят частью не покрытые или едва покрытые. На мешках густо осела пыль. По объяснению имеются средства для постройки обширных крытых пакгаузов. Пристани еще временные. Вообще подготовка на реке отстала от подготовки на железной дороге. Но река Сунгари мощная и реку эту надо и можно утилизировать⁵⁴ для пользы России. Особенно важно оставить ее за нами как связь между Вост[очно]-Кит[айской] железно дорожно и Приамурским Краем⁵⁵.

Там же, на пристани А.Н. Куропаткин осмотрел приспособленные для военных целей Сунгарийские пароходы. Всего их было 15, но осмотреть удалось только 2. Большая часть остальных находилась в «Затоне» на стоянке, а еще один пароход, как доложил министру А.И. Югович, был предоставлен в распоряжение А.С. Мадритова – командира отряда охраны в горно-лесопромышленной концессии группы А.М. Безобразова на р. Ялу⁵⁶. Осмотренный министром пароход имел военную команду и 2 небольших орудия на верхней площадке, но не специальных, а на обыкновенных лафетах, то есть, чтобы несколько пароходов сохранились как военная сила на р. Сунгари и чтобы на ней, для поддержания сообщения между русскими постами, были организованы регулярные рейсы, которые можно было использовать и как пассажирские. Для этого он полагал решить с Д.И. Субботичем и министром финансов вопрос о передаче на баланс военного ведомства 4 пароходов⁵⁷.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 6–7.

⁵¹ Там же. Л. 7–8.

⁵² Кенги – теплые башмаки или сапоги из юфтевой кожи с меховым подбоем.

⁵³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 7–8.

⁵⁴ То есть использовать. От фр. глагола utiliser.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 8–8 об.

⁵⁶ Мадритов Александр Семенович – Генерального штаба подполковник (1901 г.), полковник (1904 г.). В 1900–1901 гг. – командир 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, в 1901–1902 гг. – старший адъютант штаба войск Квантунской области, в 1902–1904 гг. состоял в распоряжении Командующего войсками Квантунской области и командовал отрядом охраны в горно-лесопромышленной концессии группы А.М. Безобразова на р. Ялу.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 9 об. – 10.

Про церковь, упоминание о которой есть в дневнике, но отсутствует в отчете, А.Н. Куропаткину сказали, что она была выстроена за 7 дней к приезду архиерея:

Холодная, но поместительная: обширный барак со стойками, обитыми досками. Дов[ольно] хороший иконостас⁵⁸.

При посещении полицейского управления министр нашел его в порядке, казарму нижних чинов – хорошей, но отметил, что служба из-за малочисленности личного состава получается тяжелая. Поэтому он настаивал на необходимости не только увеличить полицейскую стражу, но и сделать ее за счет богатого Харбина вольнонаемной. Явно недостаточным для быстро растущего Харбина оказался и арестный дом, где в тесноте находились более 100 арестантов, а китайцы вообще помещались в коридоре. Пожарной частью министр остался доволен, но не отказал себе в удовольствии объявить тревогу⁵⁹.

Смешанные чувства оставило у А.Н. Куропаткина и посещение торговых магазинов:

Есть обширные. Мне показывали два, в которых исключительно торгуют русской мануфактурой. Делают поощрения. Возвращают пошлину за хлопок. Но все же в Харбине уже видна мною масса иностранных товаров. Мы поощряем ввоз нашей мануфактуры в Маньчжурию и закрыв порто-франко во Владивостоке обрекли русское население Приамур[ского] Края платить за мануф[актурный] товар и другие товары много дороже, чем это стоит в Маньчжурии. Видел массы китайцев. Оживление оч[ень] большое⁶⁰.

Осмотрел он и паровую мукомольню первой Маньчжурской компании, имевшую собственную паровую мельницу. В 1902 г. на ней было размолото 274 тыс. пудов пшеницы, из которых: 130 тыс. пудов было доставлено из окрестностей самого Харбина и г. Ажехе, то есть с правого берега р. Сунгари не далее 60 верст, 90 тыс. – с левого берега и из района Хуланчена, а также – 54 тыс. – доставлено по р. Сунгари на джонках из окрестностей Байансусу и Синдяня. В 1903 г. предполагалось получить около 600 тыс. пудов пшеницы: 125 тыс. – по р. Сунгари из Байансусу, 300 тыс. – из Окрестностей Харбина и Ажехе, а также 175 тыс. – из окрестностей Хуланчена⁶¹. Военный министр заключал:

Теперь она размалывает 1.000 пудов, а с 1 июня будет размалывать до 2.800 пудов в сутки. Все 4 Харбинские мельницы могут размалывать до 7.000 пудов в сутки, что даст ежедневное довольствие на 140.000 человек. Отсюда видно, какое важное значение имеет мукомольное дело в Харбине для военного ведомства. Харбин – это наша будущая база. В наличности на Харбинских мельницах может быть всегда найден запас пшеницы до 300.000 пудов. Пшеница главным образом доставляется из окрестностей Харбина, в местностях на правом и левом берегу Сунгари⁶².

Поскольку расположенный на берегу большой судоходной р. Сунгари и в узле железных дорог Харбин должен был стать передовой базой всех будущих военных действий, в случае их начала в городе требовалось сосредоточить и большие интендантские запасы. Соответственно А.Н. Куропаткину предстояло осмотреть Харбинский «продовольственный магазин» (то есть склад) и решить вопрос о его оставлении на участке, уже отведенном во временное пользование военного ведомства, или возможном переносе на другое место. Здесь, увидев на месте уже отве-

⁵⁸ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 8 об.

⁵⁹ Там же. Л. 9.

⁶⁰ Там же. Л. 9–9 об.

⁶¹ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 97 об.

⁶² Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 10 об. – 11.

денный военному ведомству участок, министр немедленно отказался от сказанных накануне вечером на совещании у А.И. Юговича слов о необходимости предоставить военным другой участок для хранения запасов:

Когда я осмотрел *отведенный нам* участок под Интенд[антские] склады, – записал он в дневнике, – окруженный колючею проволокою, в 20.000 кв. сажен, близ Сунгари, очень ровный и весьма выгодно расположенный, то ни на минуту не колеблясь отказался от сделанного нам предложения нового участка в 10.000 кв. сажен выше города. Я указал, что сохраняю ныне отведенный нам участок, но считаю *необходимым продолжить его до реки* Сунгари, дабы мы могли иметь там свою пристань. Надо добиться этого⁶³.

Действительно, выбранное уже место было на 10 тыс. кв. сажен больше предложенной замены и исключительно удобное. Участок (200×100 сажен) располагался на границе городского отчуждения на берегу р. Сунгари, к востоку от железнодорожного моста. На нем были возведены три больших сарая из гофрированного оцинкованного железа (50 сажен в длину и 6 – в ширину) на кирпичных основаниях. Место было высокое, ровное, сухое и достаточно удобное для организации пристани, которую со временем предполагалось построить. Более того, А.Н. Куропаткин выступил за сохранение на участке временного железнодорожного пути, а также за прокладку от него непосредственно до складов – второго. Изначально управление строительства КВЖД предполагало построить на этом участке постоянные городские скотобойни, что впоследствии было признано невозможным. Военный министр согласился, что бойни надо отнести к северо-западу еще ниже по реке, арендовав для этого необходимый участок, или же оставить их там, где уже выстроены временные бойни. В противном случае они будут ограничивать развитие города и пристаней по берегу р. Сунгари.

Окружной интендант Приамурского военного округа полковник К.П. Губер доложил министру, что в Харбинском продовольственном магазине имелись запасы на 6 месяцев на 9 тыс. чел., в том числе: 80 тыс. пудов муки, 20 тыс. пудов сухарей, 12 тыс. пуд. риса и до 1 млн порций консервов, что в условиях приближавшейся войны с Японией было немного. Консервы А.Н. Куропаткин тут же распорядился предложить расходовать войскам пограничной стражи на освежение, чтобы не залеживались, а относительно муки констатировал, что хранить ее в металлических сараях непрактично, поскольку в сухую и жаркую погоду она быстро сохла, а в сырую – наоборот перегорала⁶⁴.

Третий день: вопросы коммерции и проблемы координации

Последний день пребывания А.Н. Куропаткина в Харбине, 2 мая, выдался не менее насыщенным. Сначала у него было продолжительное совещание по экономическим вопросам с К.П. Лазаревым, который в 1902–1903 гг. заведовал коммерческой частью КВЖД, после чего был направлен в распоряжение Правления Общества КВЖД в качестве консультанта. Лазарев стоял за необходимость свободного, без покровительственной политики, развития сил и средств не только Маньчжурии, но и Приамурского края⁶⁵. Затем последовало второе за время визита А.Н. Куропаткина в Харбин совещание с гиринским Дзянь-дзюнем, о котором вообще не удалось разыскать каких-либо сведений, кроме упоминания в дневнике самого военного министра. Ни в одном отчетном документе о поездке оно, так же как и первое, не упомянуто.

⁶³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 11 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 66, 93; Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 11 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 12.

Запланированную на этот день стрельбу пришлось отменить из-за сильного дождя, тумана и резкого падения температуры до $2\frac{1}{2}^{\circ}\text{R}é$ с бывших накануне 24^{066} . Тогда А.Н. Куропаткин организовал еще одно импровизированное совещание с целью хоть немного снизить накал борьбы между различными ведомствами в Маньчжурии, которая уже стала притчей во языцех.

На совещание были приглашены Генерального Штаба подполковник А.Ф. Богданов, занимавший с 1902 г. должность военного комиссара Хейлунцзянской провинции Маньчжурии, Генерального Штаба полковник М.А. Соковнин, в 1902–1903 гг. исполнявший должность российского военного комиссара Гиринской провинции в Маньчжурии и В.Ф. Люба – дипломат, в 1899 г. – первый представитель МИД в Маньчжурии. Военный министр указывал им «волю Государя работать дружно, без ведомственной борьбы». Люба указывал, что ему «мешают агенты железной дороги». Тогда А.Н. Куропаткин пригласил и представителя Русско-Китайского банка в Гирине С.Б. Габриэля, который отвечал за взаимодействие с тремя Дзянь-дзюнями. Министр указал и ему «волю Государя, чтобы не было борьбы и несогласий между агентами разных ведомств», и дал совет делать заявления Дзянь-дзюням не иначе, как ставя о них в известность и дипломатических представителей⁶⁷. Последующие события показали, что большого влияния на взаимоотношения военного, дипломатического и финансового ведомств в Маньчжурии эта встреча не оказала.

Выводы

Таким образом, документы и дневниковые записи самого А.Н. Куропаткина, связанные с его поездкой на Дальний Восток в 1903 г., содержат достаточно ценные сведения о ранней истории Харбина. Их анализ позволяет сделать однозначный вывод, что военный министр считал вопрос о длительном сохранении русского влияния в Маньчжурии фактически решенным. В Харбине он видел один из важнейших центров этого влияния, причем как военного, так и экономического, поскольку именно через Харбин проходила КВЖД и протекала р. Сунгари – две важнейших стратегических и торговых артерии Маньчжурии. Поэтому в рамках своего визита военный министр уделил большое внимание вопросам расположения войск и организации казарменного строительства, в очередной раз констатируя, что министр финансов С.Ю. Витте, даже после истории с разрушением КВЖД в 1900 г. в ходе восстания ихэтуаней и необходимостью привлечения русских войск для его подавления, в первую очередь финансирует строительство помещений для войск 30 ОКПС, продолжая игнорировать интересы военного ведомства. Сам А.Н. Куропаткин об этом печальном опыте не забывал, настаивая на необходимости располагать постройки военного ведомства не отдельно, а кварталами, с тщательно продуманной заранее системой их обороны.

После Китайского похода для военных уже было очевидно и то, что продвигаемая С.Ю. Витте система мирного проникновения в Маньчжурию без поддержки военной силой не работала. Поэтому А.Н. Куропаткин активно занимался вопросами развития военной инфраструктуры Харбина – выделением участков под строительство госпиталя, обустройство стрельбища, летних лагерей войск и больших интендантских и продовольственных складов.

Понимал министр и то, с чем столкнулись русские генералы в Маньчжурии после окончания Китайского похода 1900 г. – управлять этой территорией и проживающим на ней многочисленным населением без помощи китайских властей, какими бы слабыми и неудобными они не казались, было просто невозможно. Иная

⁶⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 12–12 об.

⁶⁷ Там же. Л. 12 об.

цивилизация и культура, существенно отличавшаяся от тех, с которыми русские военачальники уже привыкли иметь дело на Кавказе и в Средней Азии, уникальная бюрократическая традиция, а также язык со сложнейшей иероглифической письменностью сводили на нет все попытки управлять нерусским населением этих территорий напрямую. Именно поэтому А.Н. Куропаткин уделил большое внимание общению с гириным цзянь-цзюнем – представителем местных китайских властей, которому даже пошел на некоторые уступки. Не менее важным было и совещание с представителями русских министерств – военного, финансов и иностранных дел, которые никак не могли, да и особо не стремились, координировать свои позиции и действия при контактах с местными китайскими властями, что существенно снижало эффективность реализации русской политики в Маньчжурии и подрывало престиж русской власти среди китайского населения. В целом же посещение Харбина в 1903 г. оставило у А.Н. Куропаткина приятные впечатления и ощущение большого будущего у русского дела в северной Маньчжурии.

Поступила в редакцию / Submitted: 06.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2023

References

- Ablazhei, N.N. “Kharbinskaia operatsiia NKVD v 1937–1938 gg. [The Kharbin operation of NKVD in 1937–1938].” *Humanitarian Sciences in Siberia. Series: Russian History*, no 2 (2008): 80–85 (in Russian).
- Ablazhei, N.N. *S Vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablova, N.E. *Istoriia KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaia polovina XX v.)* [The history of CER and Russian emigration in China (first part of XX century)]. Minsk: BGU Publ., 1999 (in Russian).
- Aurilene, E.E. *Rossiiskaia diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.)* [Russian Diaspora in China (1920–1950)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiia Publ., 2008 (in Russian).
- Avilov, R.S. “The War Minister Aleksey N. Kuropatkin in Vladivostok Fortress in 1903 (using a new sources).” *Oikumena. Regional researches*, no. 2 (2021): 16–28 (in Russian).
- Avilov, R.S. “The War Minister Aleksey Nikolayevich Kuropatkin on the Sakhalin Island (1903).” *Journal of the Sakhalin Museum*, no 1 (2020): 69–91 (in Russian).
- Bassin, M. “To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review).” *Slavic Review* 59, no. 3 (2000): 675–676.
- Belozerova, O.A. “General Alexey Nikolaevich Kuropatkin as a statesperson and military leader at the threshold and during Russo-Japanese War (1904–1905). Historiography review over the past two decades.” *The Revue of Saint-Petersburg State University*, no 17 (2014): 250–280 (in Russian).
- Carter, J.H. *Creating a Chinese Harbin. Nationalism in International City, 1916–1932*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.
- Ianchenko, D.G., Khodjakov M.V., eds. *Tsentri i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Center and regions: the economic policy of Russian Government in the periphery of Russian Empire (1894–1917)]. 2nd ed. St. Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2021 (in Russian).
- Kapran, I.K. *Povsednevnaia zhizn' russkogo naseleniia Kharbina (konets XIX – 50-e gg. XX v.)* [Everyday routine of Russian people in Kharbin (last XIX – 50th of XX century)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta Publ., 2011 (in Russian).
- Khodjakov M. V. “ ‘Yellow Russia’ of the Late XIX – Early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite.” *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “Alexey Nikolaevich Kuropatkin – The Last Turkestan Governor General.” *The World of Politics and Sociology*, no 2 (2018): 27–50 (in Russian)
- Kradin, N.P. *Kharbin – russkaia Atlantida* [Kharbin – the Russian Atlantis]. Khabarovsk: Izdatel'stvo Khvorova A.Yu. Publ., 2001 (in Russian).

- Krotova, M.V. *Kharbin – tsentr russkogo vliianiia v Man'chzhurii (1898–1917 gg.)* [Kharbin – the center of Russian influence in Manchuria 1898–1917]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGUEF Publ., 2010 (in Russian).
- Levoshko, S.S. *Russkaia arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaiia polovina XX vv.* [Russian architecture in Manchuria. Last XIX – early XX century]. Khabarovsk: Chastnaia kolleksiia Publ., 2003 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Belyi Kharbin: Seredina 20-kh.* [White Kharbin: the middle of 20th]. Moscow: Russkii put' Publ., 2003 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Man'chzhuriia dalekaia i blizkaia* [Manchuria: the long, and the near]. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Paine, S.C.M. “To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review).” *The Russian Review* 59, no. 3 (2000): 460–461.
- Pavlov, D.B. “Russia’s lease of Chinese Kwantung (1898–1905): a case of modernizing colonialism?” *Russian History*, no 1 (2018): 85–108 (in Russian).
- Pavlov, D.B. “The Port City of Dalniy, 1898–1904: Tradition and Innovation.” *Russia and the Pacific*, no 1 (2021): 8–23 (in Russian).
- Pisarevskaya, Ya.L. “Dve Rossii v Man'chzhurii: sotsial'naia adaptatsiia i reemigratsiia (20-e – nachalo 30-kh gg.)” [Two Russian in Manchuria: the social adaptation and remigration 20th early 30th].” *The New Historical Bulletin*, no 2 (2000): 4 (in Russian).
- Sal'nikov, V.P., ed. et al. *General Kuropatkin – State and Military leader of the Russian Empire. 170th anniversary of his Birth*: Collective monograph / Ed. by St. Petersburg: Foundation “University” Publ., 2018 (in Russian).
- Samoylov, N.A., Starovoytova, E.O., Khodjakov, M.V., and Yanchenko, D.G. “Chinese Eastern Railway – the Heritage of Two Empires: Research Perspectives.” *Modern history of Russia*, 17, iss. 3 (2016): 205–210 (in Russian).
- Vitte, S.Yu. *Sobranie sochinenii i dokumental'nykh materialov: v 5 t.* [Collected edition and documents in 5 volumes], vol. 1, part. 2, ch. 1. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Wolf, D. *To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Levoshko, S.S., and Khisamutdinov, A.A. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Kharbin: the experience of life organization in the conditions of far frontier]. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Роман Сергеевич Авилов, канд. истор. наук, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; 690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89; avilov-1987@mail.ru

Roman S. Avilov, PhD in History, Researcher, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russia; avilov-1987@mail.ru